
Виталий КОВАЛЕВ

СТРАНИЦЫ НА ВЕТРУ

Повесть

Возьмите какую-нибудь из ваших любимых книг и вспомните, как вы впервые прочитали ее. Может, это было в купе поезда или у моря. А что-то впервые прочитали в вагоне метро или в детские годы, и остались эти книги в сердце до сего дня.

Вместе с книгой, в памяти всплывают воспоминания, связанные с далеким прошлым и давними чувствами. И оказывается, что жизнь слилась с любимой книгой, и они стали единым целым — книгой жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ

Путешествие из Петербурга в Москву

Однажды Александр Сергеевич Пушкин заметил, что в дорогу надо брать неинтересную книгу, и в качестве примера упомянул книгу Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Пушкин был настолько мудр, проницателен и душевно здоров, что его имя и такое понятие, как истина, стали для меня синонимами. Но почему же он советовал брать в дорогу неинтересную книгу? Для того чтобы понять это, я последовал его совету и, однажды отправляясь в поездку, взял в дорогу книгу «Путешествие из Петербурга в Москву».

Посадочная суета закончена, вещи разложены, билет отдан проводнице. В купе я один. Видимо, слишком поздно в этом году я собрался на юг, и мысль о том, что за двое суток никто так и не появится в моем купе и я смогу сосредоточиться, а может, даже что-то писать, — все это показалось мне очень заманчивым.

Поезд тронулся, и очень быстро, не только в даль, но и в прошлое унесся город, в котором я живу. Промелькнул пригород, и поезд шел так быстро, что я едва успевал рассматривать людей на перронах, пронесившихся мимо полустанков, детей, сидящих на лавочках у серых стен бревенчатых домов, золотой отсвет заката в окнах маленьких станций, которые появлялись так неожиданно, что названий их я не успевал прочитать. А потом потянулись поля, перелески и стены высоких лесов, в сумрачную глубину которых было так интересно вглядываться.

В купе резко потемнело от закрывшей небо грозовой тучи. Я вышел в пустой коридор. Чувствовалось, что в вагоне совсем немного людей, так как только из несколь-

Виталий Васильевич Ковалев родился в 1957 году. Окончил Рижскую художественную школу имени Яна Розенталя и Латвийскую государственную академию художеств имени Теодора Залькална (отделение книжной графики). С 1981-го по 1991 год работал главным художественным редактором в издательстве «Zinatne» Академии наук Латвийской ССР. Публиковался в журналах «Eva & Adam» (Латвия), «Волга XXI век» (Саратов), «West/East» (Лос-Анджелес, Калифорния), «Приокские зори» (Тула), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф), «Дальний Восток», «Кольцо А» (Москва) и др. Живет в г. Юрмале.

ких купе доносятся голоса. Вагон покачивается на ходу, и чуть подрагивают на окнах белые занавески. Одно из окон приоткрыто, теплый ветер обдувает лицо, и неожиданно в тот момент, когда поезд начинает поворачивать, выгибаясь дугой, из разрыва тучи бьет в глаза золотисто-оранжевый свет солнца.

Я вернулся в купе и прилег на постель. Стучат колеса на стыках рельс, позвякивают на столе две бутылки минеральной воды. Я приподнялся, раздвинул их и снова лег. Прикрыв глаза, я услышал, как по стеклу ударили капли дождя, и незаметно заснул.

Мне показалось, что прошло всего несколько минут, но, проснувшись, увидел, что стена купе озарена оранжевым светом заката. О дожде напоминают только капли на оконном стекле, за которым тянутся поля, тонущие в золотистой дымке у горизонта.

На столике рядом со мной лежит книга, которую я взял в путь. Пока не было желания читать ее. Может, в этом и заключается смысл «неинтересной» книги в дороге: ты не будешь отвлекаться на чтение и заметишь то, на что не обращаешь внимания в повседневной жизни. Разве свет солнца, живой и теплый, наполняющий душу радостью и покоем, не стоит целой главы любой книги?

Открылась дверь купе, и проводница спросила, буду ли я пить чай. Через несколько минут стакан чая в подстаканнике стоял передо мной на столике. Отличный натюрморт на фоне окна с проносящимися мимо полями. Черный чай заварен хорошо, у донышка стакана горит золотой отсвет на изгибе чайной ложки.

Я разложил на столике белый хлеб, сыр и помидор, несколько мгновений разглядывал их, потом посмотрел на облака.

Что такое — облака? Что можно делать с облаками в нашем мире, где время — деньги, и смотреть на облака или помидор совершенно нерентабельно. Но я за свою жизнь нарисовал столько облаков, помидоров и всего прочего, так пристально ко всему присматривался, наблюдая, как свет переходит в блик, а потом в тень и рефлекс, что невозможно отделаться от этой привычки. И если я встречаюсь глазами с идущим мне навстречу человеком, то знаю, что тот и не подозревает, до какой степени по-разному мы с ним смотрим на то, что нас окружает.

Когда совсем стемнело, я включил свет ночника над головой, и наступил тот чудесный миг, когда, чувствуя легкое покачивание вагона, можно раскрыть книгу и погрузиться в чтение.

Незадолго до этого, я читал «Сентиментальное путешествие» Стерна и поэтому сразу же почувствовал, что как стилист Александр Радищев очень близок к Стерну. Вот только фразы у Радищева тяжелее и витиеватее. Теперь мне стало понятно, как эти фразы раздражали Пушкина, предпочитавшего легкость и естественность речи.

Но есть в этой книге места не только любопытные, но и очень даже сильные. Я даже не ожидал их здесь встретить и неожиданно для себя так увлекся чтением, что совсем не замечал, как мимо приоткрытой двери проходили пассажиры. Но вот вагон дернулся, я чуть отвлекся от книги, увидел, как мимо моего купе прошла девушка с полотенцем и зубной щеткой в руках. А потом ко мне в купе забежала маленькая девочка, но поняв, что ошиблась дверью, побежала дальше по коридору. Слышны тихие разговоры пассажиров. Голоса людей уютно вплетаются в перестук колес, а иногда заглушаются шумом проносящихся мимо поездов.

Я оторвался от чтения и привстал. За окном ночь. Все, что я вижу во тьме, — далекие огоньки домов у горизонта. Я глядываюсь в темноту и начинаю понимать, что есть что-то еще, кроме зрения, слуха и обоняния, что-то очень важное и способное наполнить душу незабываемыми ощущениями. Так и теперь, глядя в ночное окно, я знаю, что никогда не забуду эти мгновения.

Но конечно же, в дорогу надо брать и интересные книги. Тот же Александр Пушкин, отправляясь в долгий путь, брал с собой сундучок с любимыми книгами, среди которых всегда был томик Монтеня, которого он любил читать перед сном. И книги он брал с собой вовсе не для того, чтобы убить время. Они были его компаньонами в путешествии, но не каждая, даже самая интересная книга может стать таким компаньоном. И угадать такого «компаньона» нельзя. Только совершенно случайно книга может совпасть с дорожным настроением. Но однажды мне показалось, что я нашел универсальное чтение для поездки в поезде. Таким чтением оказались рассказы Александра Куприна. Когда бы я ни брал в дорогу рассказы Куприна, они всегда были украшением путешествия.

Но ведь у всех вкусы разные. Что подошло мне, для другого человека может оказаться чуждым. Каково же было мое удивление, когда в очерке Ивана Бунина о Куприне я прочитал о том, что в дореволюционные времена на каждом вокзале был киоск, в котором продавались тонкие брошюры для чтения в вагоне поезда, и издавались они как специальная серия. Так вот, по словам Ивана Бунина, самым большим спросом, в этой «железнодорожной серии» пользовались рассказы Александра Куприна!

Выходит, чутье меня не обмануло, как не обманывало оно и читателей того времени, когда они спешили на вокзале к киоску, покупали брошюру с рассказом Куприна и потом, глядя в окно на пронсящиеся поля или во тьму с редкими огоньками, раскрывали тонкую книжечку и начинали неспешное чтение. А куда им было спешить в быстро несущемся поезде?

Ночью я проснулся. Поезд стоит у небольшой станции. Хлопают двери соседних купе, кто-то проходит мимо, задевая дверь сумкой, но в моем купе так никто и не появился. Поезд дернулся, едва заметно двинулся, заскрежетал и снова остановился. Ночная станция, тишина и вдруг невнятный, порхающий во тьме, словно ночная птица, голос из станционного громкоговорителя.

Я достал из сумки том Александра Куприна, который, конечно же, взял в дорогу, и предоставил случаю решить, что буду читать этой ночью, как если бы подошел к киоску в стародавние времена и купил то, что оказалось в продаже. Я раскрыл книгу наугад, и выпал мне рассказ «На разъезде».

Удивительно!.. Ни у одного другого писателя нет такого количества рассказов, действие которых происходит в купе поезда! И еще Иван Бунин отметил удивительное свойство прозы Куприна — это, несомненно, большая литература, но от бульварной литературы ее отделяет тончайшая грань. Существует поразительный баланс в его притягательной прозе, и, читая Куприна, ты действительно отдыхаешь.

Я раскрыл первую страницу рассказа и начал читать:

В вагон вошел кондуктор, зажег в фонарях свечи и задернул их полотняными занавесками. Сетки с наваленными на них чемоданами, узлами и шляпами, фигуры пассажиров, которые или спали, или равномерно и безучастно вздрагивали, сидя на своих местах, печь, стенки диванов, складки висящих одежд — все это потонуло в длинных, тяжелых тенях и как-то странно и громоздко перепуталось.

Шахов нагнулся вперед, чтобы увидеть лицо своей соседки, и тихо спросил:

— Что? Очень устали, Любовь Ивановна?

Она поняла его желание. Повинуясь бессознательному и тонкому инстинкту кокетства, она отделила тело от спинки дивана и улыбнулась...

«Чудо как хорошо!» — подумал я и почувствовал, как тронулся поезд и стал быстро набирать скорость.

Жизненный круг

— Вот за это я как раз и не люблю Толстого — за «простонародные» рубахи из Парижа!..

Ночью я проснулся от этих слов, от грохота открываемой двери купе и от того, что два новоприбывших пассажира укладывали свои вещи, приподняв соседнюю полку. Поезд стоял на большой станции. Даже не видя еще ничего за окном, я ощутил огромность вокзального здания, отражавшего гулкое эхо станционного громкоговорителя. На перроне слышались голоса пассажиров, оживленность которых так не вязалась с глубиной ночи и моим полусонным состоянием.

Два моих новых соседа по купе заметили, что я проснулся. Приподнявшись, я сделал глоток минеральной воды, из которой вышел уже весь газ.

В полутьме я не мог хорошенько разглядеть своих попутчиков, но заметил, что один из них, полноватый, лысый и, судя по голосу, тот, что говорил о Толстом, стал смотреть на подсвеченный прожекторами вокзал и на пассажиров, пробегавших под окном купе.

Второй пассажир ничего не ответил на его слова, но судя по разбудившей меня реплике, разговор о Толстом у них начался еще на перроне.

— Я о нем не как о писателе говорю, а как о человеке, — добавил толстяк, чуть понизив голос. — Но смотрите, он же всю жизнь говорил одно, а делал другое. Не знаю, что это. Лицемерие, непоследовательность... Называйте как угодно.

— По мне, так это — противоречивость, — услышал я наконец голос второго пассажира.

— Противоречивость! — вздохнул толстяк. — То-то жена его с ним намучилась! И детей рожала, и все хозяйство вела. Он ведь написал девяносто томов! Задумывался ли кто-нибудь, что именно она, Софья Андреевна, все это переписывала. А Толстой после этого правил, а она снова переписывала, потому что только она одна и могла разобрать его почерк. Все его главные произведения, все слова, которыми мы восторгаемся, все это прошло через ее руки! И что?.. Умирая, он не позволил пустить ее к себе. А ведь проповедовал любовь и непротивление злу. Сколько же зла было в этом старике! Навеки расставался с человеком, который столько для него сделал, и не простил! И это учитель жизни!

— Знаете, что я вам скажу, — произнес второй пассажир. — Есть наш суд, а есть и суд высший. Суд тех сил, которые посылают человека в мир с особой миссией. И часто такой человек бывает непонят и гоним, потому что приходит не для того, чтобы нравиться людям и чтобы с ним легко было жить, а для того, чтобы изменить что-то в мире. Такой человек словно скальпель, рассекающий плоть нашего мира для его же блага и выздоровления. Такой человек — функция, и только с такой позиции надо о нем судить. Да что Толстой!.. У меня самого, вон, уже третья жена. Думаете, прежним двум легко было жить с человеком, которого они видят раз в полгода и который все время думает не о ней, а о сотнях других женщин, их мужей, детей и стариков. Море, я вам скажу, забирает тебя целиком. Почитайте «Зеркало морей» Джозефа Конрада. Вот я вам скажу, книга! Там многое сказано об этом. Вот вы, например, знаете меня давно и часто говорили, что не можете понять, когда я сплю, да и сплю ли вообще. А о чем я думаю, когда в моих руках, считай, целый город и на мне ответственность за то, чтобы город этот, со всем его населением, пересек океан? А в случае со Львом Толстым мы имеем дело с чем-то значительно большим, чем океан. Но вопрос тот же: сумеет ли человечество преодолеть свои собственные бездны? В каждом из нас они есть, и многие в них тонут... Но давайте-ка спать. А то человека разбудили.

— Ничего-ничего, я не сплю, — ответил я.

— Все равно не возьму в толк, — чуть понизив голос и начав раздеваться, проговорил толстяк, — откуда в нем такая противоречивость?

— Я вам скажу, откуда она у него, — запрыгнув на верхнюю полку, ответил его сосед. — Миссия Льва Толстого была в создании высочайших образов прозы, живых, психологически достоверных художественных образов. А что делает художественный образ живым? Помните, как Шолохов отвечал на этот вопрос? А Шолохов для меня авторитет! Его «Тихий Дон» на всех судах, на которых я ходил, был моей настольной книгой. Так вот, Шолохов говорил, что для того, чтобы художественный образ был живым, писателю надо в положительном персонаже находить отрицательные черты, а в отрицательном персонаже — положительные. То есть, как говорили мудрецы древности, парадокс и противоречивость — главное свойство жизни.

На некоторое время они замолчали. Под вагоном что-то стукнуло и задрезжало, хотя поезд продолжал стоять на месте. Но вот вагон дернулся и плавно стал набирать скорость. Освещенный прожекторами вокзал остался позади, огни фонарей времени от времени освещали купе, но вот перрон закончился, и все за окном погрузилось во тьму с редкими огоньками.

— Я вам хочу рассказать об одной поразительной вещи, — произнес пассажир с верхней полки. — Однажды в плавании я взялся читать дневники Льва Толстого и дошел до записей о его службе на Кавказе и начале работы над повестью «Детство». Меня удивило, что Лев Толстой, записывавший в дневнике все свои мысли и мельчайшие детали происходивших событий, ничего не пишет о работе над повестью. Нет, он упоминает об этом, но вскользь и уделяет этому ровно столько же внимания, сколько и написанию своих писем. Все, что мы можем прочесть в его дневнике о ходе работы над повестью, это сухие фразы, вроде: «утром писал первую главу», «вечером переписал набело», «начал вторую часть». Словно речь идет не о первом художественном опыте, а о простом... диктанте, который не требует ни размышлений, ни внутренней работы, ни сомнений. И так на протяжении всей работы над повестью «Детство». Это меня очень удивило!

Но вот Толстой начинает писать «Юность». И тут в дневнике появляется самая первая запись, относящаяся к процессу его художественной работы! И эта запись поразительна! Она как раз о том, о чем вы сказали. Он написал: «В главу о смерти бабушки придумал характерную черту — религиозность и вместе с ней непрощение обиды». Представляете!.. Дневниковая запись в начале творчества и последний акт в его жизни сомкнулись. Соединился жизненный круг.

Ответа на его слова не последовало — его собеседник заснул.

— Покурю, — едва слышно произнес пассажир сверху.

Он ловко спрыгнул с верхней полки, достал из кармана плаща пачку сигарет и вышел из купе, тихо затворив за собой дверь.

Я хотел было приподняться и посмотреть в окно, но почувствовал неодолимое желание лежать с закрытыми глазами и чувствовать, как покачивается вагон поезда, несущегося во тьму.

Книга

Однажды морозным январским вечером на подоконнике лестничной площадки своего дома я увидел книгу рассказов Сомерсета Моэма. Кто-то иногда оставляет здесь книги для того, чтобы взяли их те, кого они интересуют. Меня эта книга заинтересовала, потому что когда-то у меня было точно такое же издание. Я вспомнил,

как взял ее когда-то в дорогу, отправляясь на поезде в дальнюю поездку. Мне было тогда восемнадцать лет.

Держа книгу в руках, я вспомнил то лето, юность, вспомнил, как стучали колеса на стыках рельсов и как поезд с грохотом проносился через мосты, а потом снова мягко несся среди полей и лесов. А по ночам, когда поезд останавливался на неизвестных мне полустанках, через приоткрытое окно слышались влажный шелест листвы и голоса людей, проходящих мимо вагона. Прохлада летней ночи лилась из приоткрытого окна, и душу наполняло чувство близости к чему-то необыкновенному, что должно вот-вот произойти.

«А что если это та самая книга? — подумал я. — Где же она была все эти десятилетия, промелькнувшие так же быстро, как пронеслись мимо неведомые мне полустанки в то далекое лето? Сколько людей прочитала эта книга за все эти годы, прежде чем снова вернуться ко мне из юности?»

Все еще держа книгу в руках и глядя на мельтешащие за окном снежинки, я почувствовал, до чего же мне хочется лечь сегодня в постель, включить ночник, как когда-то давно, в вагоне поезда, и раскрыть эту книгу. Я был уверен, что стоит мне только прочитать первые строки, как я почувствую дуновение летней ночи, шелест листвы во тьме и гулкое эхо станционного громкоговорителя. И тогда я почувствую то, что ощутил когда-то в начале жизни и что все эти годы жило во мне, как бесценное сокровище.

Стучат колеса

Когда мне было двенадцать лет, поезда были другими, да и рельсы были со стыками, потому и стучали колеса поездов так, как в названии рассказа Виктора Драгунского — «Поют колеса — тра-та-та». История, которая приключилась со мной в детстве, чем-то напоминает мне этот замечательный рассказ.

Ехал я тогда в Лазаревское, на Черное море, куда родители отправили меня к своим друзьям на целое лето. Билеты я отдал проводнику и забрался с книгой на верхнюю полку. Под вагоном что-то заскрежетало, и снова стало тихо, но когда я посмотрел в окно, увидел, что поезд уже движется и проплывают мимо знакомые улицы и озаренные солнечным светом дома.

Я увидел группку мальчишек на железнодорожной насыпи, рядом с ними сидела маленькая черная собачка и, казалось, внимательно слушала то, о чем они говорят. А еще я успел заметить человека в белой рубашке, который шел по улице, но вот он свернул за угол дома и исчез навсегда. Я смотрел в окно и чувствовал что-то подобное тому, что ощущаешь, когдаходишь на жаркую кухню, когда мама достает из духовки ароматный пирог, а за ней в распахнутом настежь окне шумят на летнем ветру деревья. Теперь я понимаю, что за окном поезда проносились вовсе не дома, не улицы, не мальчишки с собакой и даже не случайные прохожие, которых я никогда больше не увижу. За окном проносилась страна, которая десятилетия спустя тоже скроется за поворотом, как прохожий в белой рубашке, которого я так и не успел рассмотреть.

Из приспущенного в коридоре окна через открытую дверь в купе залетал теплый ветерок. Кто-то пробежал по коридору, хлопнула дверь в конце вагона, и донеслись обрывки фраз, ни начала, ни конца которых я так и не расслышал.

— Давайте, давайте... Вам помочь?..

В соседнем купе, с шумом задев перегородку стенки, спустили с верхней полки что-то тяжелое.

— Вера! Вера, куда ты ушла? Идем мыть руки...

Мимо двери пробежала маленькая девочка, на миг наши взгляды встретились.

— А сколько мы будем там стоять?..

И снова хлопанье двери.

Голоса стихают, чувствуется плавное покачивание вагона. Когда поезд пронесется по мосту, мерный стук колес сменяется глухим шумом, а потом снова убаюкивающий, ритмичный перестук.

Случилось это на следующий день. Поезд шел среди высокого, близко подступившего к железнодорожным путям леса. Движение поезда постепенно замедлялось, а когда мимо проплыл лесной полустанок, название которого я не успел прочитать, поезд со скрипом затормозил, дернулся и замер среди леса.

Хлопанье двери, шаги, отодвинулась дверь соседнего купе.

— А земляники-то!.. Посмотрите!.. Прямо у самого поезда..

— Вера, хочешь земляники?

— А чего мы стоим? — слышен детский голос.

Я вышел в коридор и, подойдя к окну, увидел, что кто-то из пассажиров уже спрыгнул с вагона, сбегал вниз по скату насыпи и начал собирать в стакан ярко-красные лесные ягоды. Когда он возвращался по коридору и проходил мимо меня, я ощутил аромат земляники. Я прошел в конец вагона, вышел в тамбур и увидел, что дверь вагона осталась открытой. Тогда-то, подойдя к ступенькам, я сел на самую верхнюю из них и увидел перед собой неподвижный еловый лес.

Было тихо, даже птицы не пели. В глубине леса замерли высокие папоротники, изпод поваленных ветрами деревьев пахло мхом и грибами.

Вот тогда-то я и почувствовал себя героем рассказа Виктора Драгунского. Я сижу на верхней ступеньке вагона, передо мной лес, земляника... Но главное, я увидел человека, идущего вдоль поезда, время от времени посматривающего под вагоны и постукивающего там молоточком. Очевидно, это был кто-то из машинистов. Приблизившись ко мне, он бросил на меня быстрый взгляд и сказал:

— Не сиди тут, поезд сейчас пойдет.

Поднявшись, я задержался у открытой двери. Машинист сунул свой молоточек в брезентовую сумку и, обернувшись, еще раз посмотрел на меня.

— Лет двенадцать тебе, наверно? — спросил он.

— Да, — удивился я тому, что он знает мой возраст.

— Похож ты на него...

— На кого? — не понял я.

— На моего сына. Такой же был...

— Был? — вырвалось у меня.

— Да. В реке купался и...

— Утонул? — спросил я тихо.

— Нет, — вздохнул он и посмотрел в сторону головы состава. — Не утонул. Он, когда купался, ногу поранил, а рядом, наверное, крыса разлагалась... Не знаю... Нам ничего не сказал, а потом уже поздно было. Проглядели... Вот как-то...

Он повернулся ко мне спиной и поправил на плече лямку сумки.

— Не стой, закрывай дверь, — сказал он строго, не оборачиваясь.

Я закрыл дверь и пошел по коридору вдоль закрытых дверей купе. Одно из окон было приспущено, и я, остановившись возле него, снова увидел того человека в железнодорожной форме. Проходя мимо окна, он сделал непроизвольное движение рукой, словно хотел махнуть мне. Мне даже показалось, что он что-то сказал, но тут же сжал губы и пошел дальше вдоль состава. Через несколько минут поезд тронулся, а я долго еще стоял у окна, смотрел на проносящийся мимо лес и думал о чем-то.

Огонек

Когда я перешел в четвертый класс, мой сосед по парте Борька Карпов переехал в город с красивым названием — Армавир. Прежде я слышал о таком городе и не знал, где он находится, но не сомневался, что это город у моря.

Весь сентябрь я просидел за партой один, а в октябре ко мне посадили Катюку, с которой я до этого почти не разговаривал. Она была тихая, старательная и совсем не обращала на меня внимания. Но однажды во время урока она посмотрела мне в глаза каким-то странным взглядом, после чего, сам не понимая почему, мне захотелось подтолкнуть ее плечом, что я тут же и сделал. Она чуть подумала, словно решала в уме арифметический пример, и тоже подтолкнула плечом меня. В этот момент мне показалось, что теперь мы с ней не только познакомились, но и вообще знаем друг друга очень давно.

И тогда я расправил плечи, словно Геракл, фильм о котором я видел незадолго до этого. Вместе с плечами я раздвинул в стороны и руки, которые сдвинули со своего пути и Катюкину руку, и ее тетрадку, и пенал с разноцветными карандашами. Всей своей растопыренной мощью я явственно указывал на то, что половины парты мне недостаточно.

— Это моя территория! — шепнул я Катюке, убедившись, что учительница нас не видит, и провел по парте карандашом линию границы, разделяющую наши владения на две очень неравные части.

Она посмотрела на меня с изумлением, потом перевела взгляд на установленную мной «границу» и, стерев ее быстрым движением кулачка, вернула свою руку на прежнее место.

Я улыбнулся. Так мог бы улыбнуться тигр, посмотрев на посмевающую возразить ему лань. Я не спешил. Очень медленно двинулась моя рука, лежащая на парте, в сторону Катюки. В моем воображении на нее грозно и неумолимо двигались римские фаланги, как в фильме «Спартак», который я видел в кинотеатре. Я смотрел на нее, словно Цезарь, наблюдающий с улыбкой, как его войска сметают все на своем пути.

Дойдя до желаемого мной предела, я милостиво остановился и снова прочертил линию границы.

— Это твои владения, а это — мои! — сказал я тихо, когда учительница снова отвернулась к доске. — У меня дворцы из золота, бриллиантов и хрусталя!.. А у тебя все из грязи, мусора и навоза...

Посмотрев на Катюку, я увидел, что она смеется, глядя на меня, и даже рот зажала рукой, чтобы не прыснуть со смеху.

В этот миг впервые за все это время я рассмотрел ее как следует. Она была круглолицая, крепенькая, с толстой косой, а глаза у нее были чуть раскосые.

На следующий день после уроков, когда начинало смеркаться, я вышел из школы и поднялся на железнодорожную насыпь. Отсюда с высоты были видны и школа, и дома напротив, в окнах которых уже загорались огни.

И тут я вспомнил, про книгу, которую сегодня принесла мне Катюка. Для меня это было неожиданностью, потому что ожидал я вовсе не этого, а опасался, что она может пожаловаться на меня учительнице или родителям. Но она никому на меня не пожаловалась.

Достав из портфеля книгу, я прочитал ее название: «Чао — победитель волшебников». Наверное, она эту книгу очень любит, раз из всех своих книг выбрала именно ее. Чувствуя в своих руках вес книги, ощущая кончиками пальцев шероховатую по-

верхность обложки, я подумал, что и она чувствовала все это, держа книгу в руках. И видела эти картинки в книге, слышала, как шелестят страницы, и знает даже приятный запах этой книги...

Дверь школы распахнулась, и на ступеньках, освещенных светом фонаря, показалась Катька. Я уже знал, что она каждый день после уроков заходит в школьную библиотеку и каждый раз по пути домой не подозревает, что я вижу ее с высоты насыпи, идущую одиноко по дороге.

Здесь, за пределами школы, был уже другой мир, и тут я к ней не подходил. То ли она казалась мне здесь другой, то ли я становился иным. Я видел, как она идет по дороге, то входя в островки света фонарей, то едва виднеясь в полутьме.

Я знал, что идет она на вокзал и что до отхода ее электрички еще двадцать минут. Отсюда хорошо были видны и свет часов на башне привокзальной площади, и электричка, стоящая у перрона.

Я закрыл книгу и аккуратно положил ее в портфель. Весь город уже превратился в россыпь разноцветных огоньков. Перемигивались светофоры, по дорогам двигались потоки огней автомобильных фар, и даже свет в окнах домов чуть подрагивал от отсвета телевизоров.

Я слышал невнятный голос станционного громкоговорителя и, хотя ничего не мог разобрать, знал, что до отхода ее поезда остается несколько минут. Теперь она уже зашла в вагон, подумал я. Если она села с моей стороны, то я смогу ее увидеть.

С шипением закрылись двери, послышались свисток сигнала и нарастающий шум приближающегося поезда. Я поднялся и, держась за сеточное ограждение, отделяющее подъем насыпи от железнодорожных путей, всматривался в сплошную световую полосу проносившихся мимо меня окон, но так и не смог ее увидеть. И вскоре я видел всего лишь один огонек в самом конце поезда, удаляющийся во тьму. Он становился все меньше и меньше и вдруг погас, словно и не было его вовсе.

Как у Грина

Олесе, которая и была той самой девочкой...

Случилось это в 1985 году. В купе поезда, идущего в Москву, кроме меня, ехали еще трое пассажиров — пожилой художник из Ленинграда и женщина с десятилетней дочкой. Шел обычный купейный разговор, какой ведется между людьми, которые случайно встретились и скоро расстанутся навсегда.

Когда женщина достала из сумочки книгу рассказов Александра Грина, художник посетовал, что «не читают сейчас люди Грина, не знают его произведений».

— Только по роману «Алые паруса» и судят о нем, — говорил он. — Но ведь эта книга не так уж характерна для него. Грин, скорее, близок к Эдгару По. Эх, что это был за писатель!

Заговорили о его судьбе, пьянстве, странном характере и таких же странных поступках, которые порой трудно было объяснить. И старый художник рассказал об одном случае, произошедшем с писателем.

Однажды Александр Грин взял извозчика. Когда тот довез его до нужного места, заплатил положенные двенадцать копеек, сделал несколько шагов и, повернувшись к извозчику, достал из кармана серебряный рубль. Он держал его перед собой, а извозчик смотрел на монету и ждал, что будет дальше. И тут Грин размахнулся и швырнул рубль очень далеко в заросли кустов. Извозчик зачertyхался, закричал на Грина, стегнул лошадь и уехал. Грин остался стоять на дороге, довольный тем, что произошло.

— Таких историй у него было множество, — заключил старик свой рассказ.
— Зачем же он это сделал? — произнесла женщина и замолчала, думая о странном поступке писателя.

И тут девочка, все время тихо сидевшая у окна, сказала:

— Я тоже так однажды сделала.

Ее мама и старый художник с удивлением посмотрели на нее.

— Ты тоже выбросила деньги? — спросила женщина.

— Нет.

— Что же тогда?

— Это было в школе, на перемене. Я сидела за партой, а Димка, мой сосед по парте, болтал с Алешкой, который сидел в соседнем ряду. И говорили они прямо через меня. Словно меня рядом и не было. Я сидела, сидела, а потом взяла свой учебник и медленно-медленно раскрыла его. А там у меня лежала большая цветная фотография группы «Modern Talking», да еще с их автографами. Мне ее брат подарил. И вот Димка и Алешка увидели этот снимок и замолчали. А потом как закричат на весь класс:

— Смотрите! Смотрите, что у нее есть! Вот это да! Где ты такое достала!?

Чуть ли не весь класс сбежался ко мне. Все разглядывали снимок, передавали один другому, а когда вернули фотографию мне, я очень медленно и спокойно разорвала ее на мелкие кусочки...

И тут они закричали:

— Она дура! Посмотрите, что она сделала!.. Она совсем дура!

Рассказав это, девочка встала и хотела уже выйти из купе, но старый художник ее остановил, придержав за локоть.

— Скажи, пожалуйста, а для чего ты это сделала?

— Почему вы хотите это знать? — спросила его девочка.

— Если скажешь, почему ты это сделала, мне станет понятнее поступок Александра Грина.

— Я сделала это потому, что они сидели и болтали прямо через меня, как будто меня на свете нет, а сбежались ко мне, только когда увидели фотографию. Вот я ее и разорвала, чтобы показать им — то, что они ценят, для меня — ерунда и пустяки!

Сказав это, девочка вышла из купе, задвинув за собой дверь.

— Да, — промолвил старик, глядя в окно на проносящиеся мимо поля, — а ведь действительно, совсем как у Грина...

Удовольствие

В 1852 году Лев Толстой записал в своем дневнике:

Есть какое-то особенное удовольствие читать глупые книги, но удовольствие апатическое.

Казалось бы, странная мысль, но однажды обстоятельства сложились так, что я понял всю верность толстовского утверждения.

Я ехал тогда на поезде на юг, а такого рода путешествия я любил, если, конечно, брал с собой в дорогу хорошую книгу.

В тот раз, поезд отходил поздно, поэтому, расположившись в купе, я включил ночник, намереваясь почитать перед сном. Раскрыв сумку и тщательно ее перерыв, я обнаружил, что не взял с собой книгу, которую подготовил для поездки. Как же это могло произойти? Видимо, я столько раз перекладывал вещи, укладывая их более

компактно, доставая их из сумки и укладывая снова, что отложил книгу в сторону и забыл о ней. Положение, в котором я оказался, было ужасным. Такой долгий путь, и без книги!

Сосед по купе не был любителем чтения, у которого я мог бы попросить хоть что-то, что скрасило бы время в пути. Да я его и не видел толком, так как он либо пропал в соседнем купе у приятелей, либо гулял в вагоне-ресторане, возвращаясь в наше купе лишь для того, чтобы выспаться.

Через сутки уже чувствовалось, что наш поезд идет на юг: стало жарче. Быстро сменялись картины и пейзажи. Интересно было смотреть на людей, попадавших в поле зрения и тут же исчезающих навсегда. Чем не увлекательная книга! А каждый полустанок — целая история. Вот я и читал страницы, которые листала за окном жизнь.

Впереди показалась туча, налитая грозовой синевой. Поезд заворачивал дугой, прямо под нее, в сверкающий молниями сумрак. Я один стоял в коридоре и, выглядывая в приспущенное окно, видел голову поезда и чувствовал, как теплый ветер обдувает лицо.

Проходивший мимо проводник, видевший меня в коридоре уже не первый раз, спросил:

— Скучновато? Могу шахматы дать. Нам еще долго ехать.

— Спасибо, я не играю, — ответил я. — А почитать, у вас ничего нет?

Он на мгновение задумался.

— Есть одна книжка. От напарника осталась.

Услышав это, я оживился и задал вопрос, который тут же показался мне излишним:

— Что-нибудь интересное?

— А, ерунда какая-нибудь.

Я пошел следом за проводником и вскоре держал в руках вожденную книгу. Она была толстая, зачитанная. Я не стал ее раскрывать. Я не стал даже смотреть, кто автор и как она называется. Пусть это будет сюрпризом. Вот придет вечер, я включу ночник и наконец, какой бы ни была эта книга, погружусь в чудесный мир. Даже если окажется она глупой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СТРАНИЦЫ НА ВЕТРУ

Ау!..

Мне было тогда пять лет. Я лежал в постели, было уже поздно, но я еще не спал. За полуоткрытым окном на фоне звездного неба едва угадывались верхушки деревьев, теплый ночной ветерок слегка колыхал занавеску, наполняя комнату ароматом хвойного леса.

Я едва умел читать и лежал, рассматривая рисунки в букваре и перелистывая страницу за страницей. Внимание мое привлекла картинка, на которой среди дремучего леса стояли мальчик и девочка с корзинками в руках. Приложив к губам ладонь, мальчик кричал, и я долго разглядывал, нарисованные над ним две большие буквы — «АУ!».

Увидев, что мама приоткрыла дверь, спросил:

— Мама, а что такое «АУ»?

— Они заблудились, — ответила мама, посмотрев на картинку в книге. — «Ау» кричат те, кто заблудился в лесу.

Некоторое время я рассматривал детей и большие буквы над ними, а потом, посмотрев в окно, в темноту, спросил:

— А их найдут?

Но мама, выключив свет, уже ушла. Оставшись лежать в темноте, я думал о том, что в лесу, в котором заблудились мальчик и девочка, сейчас тоже темно. И им, наверное, очень страшно. Как же они выберутся из леса? Услышит ли их кто-нибудь?

Я лежал в темноте, прислушиваясь к шелесту листвы и далекому, постепенно стихающему шуму электрички.

Острова в океане

Есть книги не просто любимые, а спасительные. Например, есть книга, которая меня буквально излечивала. А написал ее человек, сказавший: «Хороший доктор должен лечить уже одним своим видом». Но этот доктор был способен лечить не только своим видом, но и своими книгами. Поэтому стоило мне зимой простудиться, как я брал в руки «Степь» Антона Павловича Чехова и переносился в прекрасный мир лета, степи, детства, жаркого аромата трав, летних гроз. Каждая строка, каждая фраза этой повести излучают столько жизненной энергии, столько здорового света и чувства жизни, что воспринимаются как целебный бальзам, излечивающий и душу, и тело.

Но есть и другого рода книги — сезонные. У каждого, конечно, они свои. Так, самым зимним чтением оказался для меня Диккенс. Под завывание ветра, когда снежинки вьются за окном, книги Диккенса особенно уютны, они проникают в душу и раскрывают свою атмосферу.

А самая моя любимая летняя книга — «Острова в океане» Эрнеста Хемингуэя. Читать ее у моря, под шум волн, чувствуя тепло солнечного света и видя, как летний ветер чуть заносит страницы сверкающими песчинками, это подлинное наслаждение.

Вот так однажды я лежал на песке у моря и читал «Острова в океане». Муравей полз по странице. У меня появилось рефлексорное желание смахнуть его, но я подавил в себе этот порыв, осознав, что ведь точно так же нечто высшее может смахнуть и меня самого со страницы, по которой я ползу. Так что пусть уж муравей ползет себе дальше.

Поднимая взгляд от страницы, я поглядывал на море, на чаек, а потом решил искупаться. В тот день на пляже было много загорающих людей, а у воды, как всегда, играли дети. Когда я проходил мимо одного из малышей, он на миг оторвался от своего песочного замка и посмотрел на меня своими большими глазами.

Я зашел в море и поплыл. Поднимаясь на волнах, я видел пляж, залитый солнцем, а когда опускался, не видел ничего, кроме неба и чаек.

Незаметно меня прибило к мужчине и молодой женщине. Она, закрыв глаза, обнимала его за шею, а он целовал ее в плечо. Я постарался отплыть от них подальше, хотя волны все время относили меня к ним.

Чуть позднее, когда я уже собрал вещи и собирался поехать на велосипеде вдоль моря, я увидел их выходящими из воды — ее, пышнотелую, в голубом купальнике, и его, мускулистого мачо. Они сели на велосипеды и поехали впереди меня. Но вот женщина увеличила скорость и оторвалась от своего спутника. Вскоре она подъехала к полноватому мужчине, который ее тепло поцеловал, а она склонилась над детской коляской. И только тут я понял, что это — муж и жена.

А вскоре подъехал тот, с кем она купалась в море, и все они дружно начали играть в волейбол. Я поехал дальше.

Вот на велосипеде проехала девушка, громко разговаривая вслух. Но это не сумасшедшая. Просто она говорила по телефону, который был прикреплен к ее уху. Ее майка в искусной имитации разрывов ткани.

Атлетически сложенные парни делали пробежку вдоль моря. Глядя на них, не столь атлетически сложенные мужчины расправляли плечи и подтягивали животы. Но они быстро забывали об осанке. Их и так любят.

Прямо в воде стояла лавка, а на ее спинке, поставив ноги на сиденье, заливаемое волнами, сидела девушка и плакала, глядя на море.

А чуть поодаль гурьба малышей была занята постройкой песчаных замков. Совершенно голые, только на девочках блестят бусики и сережки, они носили из моря воду в ведерках, кидались песком и искали ракушки среди водорослей. Выпятив загорелые животы, дети сосредоточенно лизали мороженое, кричали, смеялись, плакали, отнимали что-то друг у друга и внимательно смотрели на меня, когда я проезжал мимо.

Ко мне подбежал крошечный мальчуган.

— Я не просто так кидаю песок в воду, — сообщил он мне доверительно. — Я прогоняю чужие корабли.

— Молодец! — сказал я ему и поехал дальше вдоль моря, которое раскинулось, как необъятная книга, у которой нет конца.

Привидения

Гряды темных туч движутся над морем. Под ними далеко над горизонтом ниспадают дымчатые стены дождя. Я читаю на скамейке книгу Генрика Ибсена «Привидения» и время от времени поглядываю на берег.

Страницы чуть подрагивают на ветру, шумят волны, и за спиной сухо шелестят травы на дюнах. Стемнело, и читать стало трудно, поэтому я просто сидел с книгой в руках.

Пожалуй, пора идти домой, подумал я и пошел вдоль моря, поглядывая на волны, заливающие песчаный берег. До этого мне казалось, что я здесь совершенно один, но вдруг, в темноте у воды я увидел сидящего на лавке человека. Рядом с ним стояла девушка с огромным догом.

— Фас! Взять его! — крикнула она собаке, указав на меня рукой. Собака с лаем бросилась вперед, тяжело ударяя лапами по мокрому песку, но вдруг остановилась у моих ног и коснулась руки холодным носом.

Мужчина на лавке, продолжал сидеть неподвижно, только уголек его сигареты то вспыхивал, то угасал. Собака отбежала от меня, а я повернулся и пошел дальше вдоль берега. Вскоре я услышал за спиной шаги. Это был тот мужчина, что сидел на лавке.

— Ты не обижайся на нее. Мне все это уже и самому надоело! У нее рак крови. Она умирает. Ее дела совсем плохи, — сказал он с усталостью в голосе и вдруг добавил, отбросив сигарету: — И сколько это может продолжаться! Послать бы ее к черту!

Он резко повернулся и скрылся в темноте, оставив меня одного у воды, заливавшей берег. По обеим сторонам залива перемигивались маяки, в море светились огни нескольких кораблей.

Я хотел уже идти дальше, как вдруг услышал в темноте плач, пригляделся и увидел ту девушку.

— Милый! Хороший! Что же с тобой будет! — говорила она, присев на корточки и обнимая свою собаку. — Хороший! Хороший! Ты один любишь меня.

Тут она поднялась и посмотрела на меня.

— Подожди! — сказала она мне.

Когда она приблизилась, несмотря на темноту, я смог ее рассмотреть. Она необычайно красива, но красота ее какая-то странная. Или это и не красота вовсе, а что-то иное? Лицо ее бледно, это видно даже в полумраке, в глазах ее пропасть — до того они

черны и горячи. Она стоит передо мной, лицо ее — светлый лик ангела, но от нее веет холодом.

— Послушай! — сказала она, тяжело дыша, словно задыхаясь. — Меня выгнали из дома. Мне нужно найти жилье. Можно я на день или два оставлю свои вещи у тебя? Я не могу ходить с ними. Можно? Так получается, что никого больше я не могу попросить об этом, — и, улыбнувшись, добавила: — Когда я гуляла с собакой, я видела, где ты живешь.

— Конечно, приноси свои вещи, — говорю я ей.

— Я принесу утром.

А потом она присела и, обняв собаку, сказала с улыбкой:

— Это мой друг! Это мой единственный друг! Он меня никогда не забудет.

Прогулка в тумане

Думаю, не все поклонники творчества Джона Голсуорси знают о его небольшом рассказе «Прогулка в тумане». А те, кому я говорил об этом рассказе, не могли понять, почему он произвел на меня такое сильное впечатление. Там, собственно, ничего ведь не происходит.

Главный и единственный герой этого произведения садится на лошадь и отправляется на верховую прогулку. Перед ним лишь только дорога и зыбкие очертания того, что он видит в тумане. Ничего и не разглядишь толком. Как тут не заблудиться? Но, видимо, в такие моменты, когда зрение наше ограничено, когда мы теряемся в пространстве и во времени, обостряются иные наши чувства, и мы обретаем возможность чувствовать то, что осталось бы не замеченным в ясный день. По этой причине я любил не только рассказ Джона Голсуорси, но и сами прогулки в тумане.

Так однажды в туманный осенний день я пошел к морю, чтобы почитать там в уединении. Шум волн, крики чаек и шелест трав на дюнах всегда настраивают меня на правильный лад.

По едва видимой дороге я дошел до побережья и не увидел моря. Дымчатое море клубилось со всех сторон. Некоторое время я шел по сырому песку, пока, словно на снимке, погруженном в проявитель, в белесой дымке не стали постепенно проступать призрачные очертания скамейки.

Я сел на нее и стал читать. Со стороны невидимого моря доносился тихий плеск. Мне казалось, что я не один на берегу и есть еще кто-то, время от времени зачерпывающий воду рукой или медленно бредущий по мелководью.

Я хотел было раскрыть книгу и погрузиться в чтение, как позади меня послышались шаги, кто-то приблизился к скамейке и положил на нее сумку.

Судя по звукам, человек за моей спиной раздевался. Оглянувшись, я увидел женщину в голубом купальнике. Склонившись над сумкой, она аккуратно укладывала в нее свои вещи. Я не смог рассмотреть ее лицо, скрытое за ниспадающими вниз светлыми волосами. Обойдя лавку, она направилась в сторону моря и исчезла в белесой дымке. Вскоре послышался плеск воды.

А море ведь холодное, подумал я. Сейчас купаться — это так странно! Но ведь и я, сидящий тут в одиночестве, разве не мог не показаться ей странным?

Я закрыл книгу и побрел вдоль берега. Вскоре я не видел скамейку и не слышал плеска воды. Я прислушался, стараясь уловить хоть какой-то признак того, что женщина все еще купается, но не услышал ни единого звука. Но я знал, что она там, и в этот момент она показалась мне очень одинокой.

Я пошел дальше по берегу, свернув в сторону дюн и, дойдя до них, увидел бледный силуэт мужчины, неподвижно сидящего на песке. Не думаю, что он заметил меня.

Слишком уж он был погружен в свои мысли. Он сидел, положив руки на колени, а на песке перед ним стояла банка пива. Наверняка ему казалось, что он один на берегу.

Я возвращался домой по той же дороге, по которой пришел к морю, и думал о двух людях в тумане, не подозревающих о существовании друг друга.

Лягушка-путешественница

Дождь и ветер давили на стекла, было слышно, как режут деревья на ветру, но в доме было тепло, горел небольшой свет у кресла возле окна.

В этот осенний вечер я решил что-нибудь почитать. Я стоял у книжного шкафа, пальцы скользили по корешкам книг, но я никак не мог понять, чего же мне хочется именно сейчас.

Рука остановилась у сборника рассказов Всеволода Гаршина. Я раскрыл его наугад и увидел рассказ, который давно не перечитывал. В предисловии говорилось о том, что «свое последнее, светлое произведение» Гаршин посвятил детям. Но надо помнить, что это последнее произведение перед самоубийством. Сюжет, как говорится, «бродячий». Даже в древнеиндийском эпосе есть аналог, только там речь идет о черепахе. Но Гаршин почему-то выбрал именно эту тему, и теперь, перечитывая его рассказ, я увидел, что писатель наполнил древний сюжет новым содержанием.

И вот я читаю...

Живет в болоте лягушка, и она очень счастлива. Для счастья ей нужны сущие пустяки, ведь она счастлива даже оттого, что идет дождик. Наверное, только в детстве мы были способны так радоваться дождю, солнцу, туманному утру, лунной ночи...

Но вот прилетели утки, и услышала от них лягушка, что есть другой мир, есть высокое небо и полет. И она захотела полета, новизны...

А помните, как мы летали? И казалось нам, что полет этот навсегда, но кончается он тем, что мы срываемся с тонкого прутика и падаем вниз. Любовь — полет, молодость — полет...

И вот два падения — падение маленького смешного существа и страшное добровольное падение Гаршина в лестничный пролет. Я не мог отделаться от ощущения, что читал не «светлое произведение для детей», а предсмертную записку.

Но ведь это так и есть! Написав «Лягушку-путешественницу», Всеволод Гаршин отложил перо и никогда больше не взял его. В этом рассказе он со всеми простился. И это единственная вещь, в которой нет людей. Они стоят так далеко внизу, что все на одно лицо. Они стоят и кричат: «Смотрите, смотрите! Экое чудо! И кто это придумал такую хитрую штуку?» А как писателю не ответить, подобно лягушке: «Это я! Это я придумал!» И тут же падение вниз... Молчишь — летишь, сказал слово — упал.

И все-таки это добрая и светлая история. Гаршин не взял «квакушку» с собой в тот ужас, который избрал для себя. Она благополучно приземлилась, осталась жить и рассказывает до сих пор свои удивительные истории.

В этом последнем тексте Всеволода Гаршина есть последние слова:

«Но утки уже никогда не вернулись. Они думали, что квакушка разбилась о землю, и очень жалели ее».

Книга Бытия

Летний жаркий день у реки. Клева нет, становится все жарче. Поплавок так неподвижен, что кажется заснувшим на зеркальной поверхности воды.

На берегу неподалеку я вижу большой камень. Слоистый, поросший мхом, он напоминает гигантскую раскрытую книгу. Так мог бы выглядеть окаменевший дневник

Адама. А среди окаменевших страниц могла бы быть скрыта тайна нашего происхождения? Ведь был же момент в истории, когда на безлюдной Земле произошло нечто такое, после чего мир уже не был прежним. Если бы можно было перенестись сквозь бездну времени и оказаться на Земле в момент творения жизни!.. Что бы мы увидели?..

Я прислонился спиной к стволу дерева, у которого сидел с удочкой, и прикрыл глаза. Жара сморила меня. Хотелось сидеть с закрытыми глазами, ощущая на лице тепло солнечного света, ветер, пахнувший камышом, прислушиваться к звукам реки... Вот едва слышно плеснула волна, зашумел камыш на ветру, и ударила хвостом в воде большая рыба.

Я погружаюсь в сон, словно в теплую воду, и с закрытыми глазами продолжаю видеть окаменевшую книгу. Но с чего я решил, что это книга? Да и не камень это вовсе. Он мягкий, его можно разломить руками, словно зефир. Он распадается на глазах, и ветер уносит его прах. Нет уже ни камня, ни реки. Кругом песок и какие-то корни, хотя не видно деревьев, а горизонт так близко, словно я оказался в глубоком котловане. Справа, под сплетением корней, выступающих из песка, в густой тени я вижу что-то темное. Но тут же внимание мое отвлекло какое-то движение слева, но это был всего лишь ислевший лоскут, который перевернул ветер. И я подумал: есть уже песок, есть ветер. И есть еще что-то темное...

Я посмотрел под сплетение корней, но теперь я там ничего не увидел. Но ведь было что-то темное и теперь пропало.

Я открыл глаза и увидел перед собой реку, сверкающую на солнце. Я подсек, почувствовал тяжесть на другом конце лески, но почувствовал лишь на миг. Сорвалась!.. Впрочем, пора уже уходить.

Я собрал удочку и стал подниматься на крутой песчаный берег. Там, наверху, остановившись среди сосен, я оглянулся назад и снова увидел большой белый камень, лежащий на берегу.

Лето, море...

Когда мне было четырнадцать лет, я гостил у наших знакомых в небольшом курортном черноморском поселке. От моря до моего жилья было совсем недалеко. Надо было перейти небольшую привокзальную площадь, пройти по кипарисовой аллее, свернуть у ресторана на каменистую дорогу, испещренную пятнами света и тени, и подниматься в гору под аркой платановых ветвей.

На веранде, увитой виноградом, кроме меня, жили еще два постояльца — мужчины лет тридцати. Приходили они поздно, когда я уже спал или читал книгу, оставленную на тумбочке кем-то из них. Книгой этой был роман «Униженные и оскорбленные» Федора Достоевского.

Невольно мне приходилось слышать разговоры моих соседей по жилью. Говорили они в основном о своих курортных приключениях и различных случаях из жизни. Но однажды меня разбудил разговор, который я слышал сначала сквозь полусон, а потом проснулся и прислушался.

— Я убежден, — говорил один из них, — все, что с нами происходит, все, что мы замечаем, это знаки, которые нам что-то говорят.

— Знаки? — усмехнулся второй. — Да где же они?

— Они всюду. Нет ничего, что не было бы такими знаками.

— Если на все обращать внимание и пытаться разгадать, то можно сойти с ума.

— Не надо на все обращать внимание. Среди этих знаков есть особые, и обнаружить их легко. Вот смотри. Мы живем, проходят годы, десятилетия, но мы продол-

жаем помнить совершенно незначительные вещи. Воспоминания эти совершенно пустяковые, но мы будем помнить их всю жизнь. Гораздо более важное забудем, но эти «мелочи» останутся в памяти навсегда, словно для того, чтобы мы к ним мысленно возвращались.

Его собеседник ничего не ответил, только загорался и угасал огонек его сигареты.

— И еще... В жизни каждого человека бывают узловые моменты. Их не так уж и много. У кого-то их три-четыре, у кого-то больше. В эти моменты от нашего решения, от нашего поступка или, наоборот, от нашего бездействия, что тоже поступок, и часто — роковой, зависит то, как пойдет дальше наша жизнь. И моменты эти необязательно какие-то яркие и значительные. Они, скорее, похожи на те пустяки, которые мы помним всю жизнь.

Они замолчали. Я лежал и смотрел сквозь раскрытые окна веранды, на листву и гроздь винограда. Некоторые ягоды казались полупрозрачными на фоне лунного света. Чуть угадывались темные косточки в их глубине. Звенели цикады, были слышны звуки шагов на дороге. И вдруг донесся чей-то пронзительный крик, словно кого-то настигли во тьме, но тут же послышался смех, чьи-то шаги, и я, закрыв глаза, спокойно уснул.

Утром я пошел к санаторию, чтобы сделать акварельный этюд. Белое здание с колоннами и арками на фоне поросшей лесом горы, в обрамлении пальм и кипарисов было похоже на дворец.

Я рисовал кипарисы, сверкающее на солнце море и пеструю толпу прохожих. Увидев, как по ступенькам спускается главный врач санатория, я отвернулся. Местные мальчишки говорили мне, что он гипнотизер и лечит гипнозом. Ему лет сорок, но однажды, когда встретился с ним взглядом, тут же опустил глаза, потому что взгляд его показался мне древним и каким-то дремучим. И теперь я сделал вид, что не замечаю его, хотя, боковым зрением наблюдал, как он не спеша спускается по широким ступеням.

Жарко!.. Я подвинул раскладной стул в сетчатую тень, падающую от скрещенных веером пальмовых ветвей. Вокруг никого нет. Только давящая жара и сияющий на солнце, белоснежный санаторий.

Только я промыл кисть в банке с водой, как увидел девчонку, спускающуюся по ступенькам санатория. Она была в шортах, майке и шапке с козырьком, чуть сдвинутым набок. Ее легко можно было принять за мальчишку, если бы не походка — странная и чуть дерганая, словно шла она пританцовывая.

Я уже знал, что она местная, а в санатории работает ее сестра. Иногда я видел их сидящих на лавочке под открытой террасой, на втором этаже, где я по вечерам играл в пинг-понг.

Люди выходящие из санатория, не обращали на меня особого внимания, но девчонка эта не обращала внимания как-то особенно ярко. Так и сейчас, проходя мимо, она чуть не задела мой планшет и пошла дальше по кипарисовой аллее своей пританцовывающей походкой.

Вечером, как обычно, на террасе шла игра в пинг-понг. Я стоял у перил и смотрел, как играют более взрослые игроки. Внизу раскинулся парк с затейливыми дорожками, беседками и небольшим фонтаном с золотыми рыбками. За парком высились кипарисы, а за ними море под чистым, уже угасающим небом. Слева от меня берег плавно изгибался, переливаясь цепочкой огней, а справа высился гористый мыс.

На самом его верху тоже светилось несколько огоньков. Я смотрел на них и думал: кто же там может жить, так высоко над морем?..

После сильного удара одного из игроков белый шарик пролетел мимо меня, ударился о перила и полетел вниз, в парк. Я перегнулся через перила и увидел, что та девчонка опять сидит на лавочке с сестрой и несколькими женщинами из персонала санатория.

Шарик упал на траву прямо перед ней. Она нагнулась, взяла его и положила в карман шорт.

— Эй, парень, — услышал я за своей спиной голос одного из взрослых игроков, — будь добр, сбегай за шариком...

Я, словно со стороны, увидел, как медленно отхожу от перил и иду к выходу с террасы.

Выйдя из санатория, я посмотрел вдоль стены и заметил, что девчонка все еще там, на лавочке, со всей своей компанией.

Переходя от одного островка света к другому, я шел к лавочке, на которой сидела девчонка. Приближаясь к ней, я заметил, что походка моя похожа на то, как ходит она сама, и постарался идти как-то иначе, но получилось еще более неестественно.

Я подошел и остановился напротив нее. Как всегда, не обращая на меня внимания, она оживленно рассказывала что-то подруге.

— Только что сюда упал наш шарик, — произнес я, дождавшись, когда она сделает паузу.

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Какой шарик? — спросила она.

— Для пинг-понга.

— Сюда ничего не падало, — сказала она спокойно.

— Но я видел, как ты взяла его.

— Я ничего не брала, — сказала она с улыбкой.

Я чуть постоял, потом, повернувшись, пошел через парк. Подниматься на террасу мне не хотелось. Прошло желание играть. Я шел, припоминая каждое ее слово. В первый раз в жизни мне ввали прямо в глаза. Спокойно и с улыбкой. Но зачем она делала это? Зачем ей нужен этот шарик?

Я снова и снова вспоминал, как стоял перед ней, припоминал каждое ее слово и еще вспомнил ощущение, которое охватило меня тогда: мне показалось, что она мстит за что-то.

Я дошел до дороги в гору, ведущей к моему жилью, но идти домой не хотелось. Я знал, что соседи по комнате уехали и, конечно, забрали книгу «Униженные и оскорбленные». Теперь мне нечего будет читать по вечерам.

Думая об этом, я дошел до привокзальной площади и свернул к морю. Из темноты доносились удары волн по камням и шорох отступающей по мелкой гальке воды. На пляже было темно и пустынно. Прямо передо мной с выступающего в море причала в свете фонарей мальчишки ловили рыбу.

Слева тянулась цепочка береговых огней, а справа, закрывая звезды, высился горный мыс с огоньком на самой вершине.

И тут я увидел, как во тьме что-то сверкнуло, озарив все небо. Я стоял, ожидая еще одного всполоха, как вдруг за спиной услышал голос:

— Ну что, нашел свой мячик?

Это была та девчонка. Неужели она за мной пошла?

— Нет, не нашел, — ответил я.

— Что же ты так сразу?..

— Что сразу? — не понял я.

— Сразу лапки кверху.

Я ничего не ответил.

— Откуда ты приехал? — спросила она.

— Из Сочи.

— Не ври!

Забавно было это от нее услышать.

— И что, ни о чем не хочешь меня спросить? — произнесла она. — Обещаю ответить честно.

Она стояла в полутьме все так же — в майке, шортах. Ночной ветер чуть колыхал ее светлые короткие волосы. Шумело море, в небе горели звезды, уходила вдаль цепочка береговых огней, а шарик для пинг-понга оттопыривал карман ее шорт.

— Да, я хочу спросить тебя. А что это там вспыхивает над морем?

— Это зарницы. Где-то, очень далеко, гроза, — и чуть помедлив, спросила: — Любишь ночью купаться?

— Ночью? — удивился я.

— В темноте, — кивнула она головой. — Давай?

— Прямо сейчас?

— Конечно! Увидишь, как это здорово.

И не дожидаясь того, что я отвечу, пошла по причалу, с которого мальчишки ловили рыбу, насаживая на крючки кусочки мидий, которые отрывали от заросшего тинной пирса. Идя следом за ней, дошел до конца причала и увидел, как она, не раздеваясь, прямо в одежде спустилась в воду и поплыла.

— Давай до буйка, — донесся ее голос.

Мне совсем не хотелось плавать в темноте, но точно так же, как я видел себя со стороны, подходя к ней, сидящей на лавочке, так и теперь, я, словно со стороны, видел, как спрыгиваю с пирса в воду.

Я плыл за ней и только сейчас осознал, что если бы не ее белая майка, то потерял бы ее в темноте. Мы подплыли к буйку и с двух сторон обхватили его руками.

Я никогда еще не видел берег с моря. Подножие горы искрилось огнями, и такие же цепочки света тянулись по обеим сторонам берега, охватывая залив.

Я посмотрел на горный мыс и снова увидел огонек на вершине.

— Интересно, — сказал я, — кто там живет?

— Можно когда-нибудь пойти и посмотреть, — сказала она. — Но лучше не надо.

— Почему?

— Если все узнать, то можно все испортить. А ведь сейчас так хорошо — гора, огонек, кто-то...

В ее руке я увидел шарик для пинг-понга. Она положила его на воду, и он поплыл, удаляясь от нас, и исчез в темноте.

Перекрестки

Мы шли по дороге так близко друг к другу, что ее локоть касался моей руки. Время от времени она бросала на меня быстрые взгляды, ожидая, когда же я что-нибудь скажу.

— Что же ты, речь подготовил, а сказать не можешь? — наконец произнесла она.

Я действительно не мог вымолвить ни слова, а на одном из перекрестков мы расстались. И все же я был счастлив оттого, что теперь она знает о моем существовании. Именно это было для меня самым важным, а вовсе не слова, которые я так и не смог произнести.

Но на следующий день при встрече в школьном коридоре она сделала вид, что не замечает меня. Я сделал то же самое и с тех пор, словно сговорившись, мы каждый день делали вид, что не знаем о существовании друг друга.

Так прошел год, наступила весна, и однажды я не выдержал и позвонил ей.

— Здравствуй! — сказал я в трубку так, словно мы виделись вчера.

— Здравствуй! — ответила она таким же тоном.

— Узнаешь, кто говорит?

— Конечно, узнаю.

— Мне очень хотелось бы увидеться с тобой.

— А где ты сейчас?

Я назвал станцию в Юрмале, на которой находился, и она сказала, что скоро подъедет.

Ну вот, думал я, бродя по перрону, наконец я смогу с ней поговорить. Теперь она узнает меня лучше, и что-то изменится. Мы же совсем не смогли поговорить в прошлый раз...

Наконец подошла электричка. Я вглядывался в выходявших из вагонов людей и наконец увидел ее. Она шла ко мне по перрону, но шла она не одна, а с сестрой.

Для меня это было полной неожиданностью. Мы снова шли по дороге, и точно так же, как и в прошлый раз, она касалась локтем моей руки. Но только теперь с нами шла и ее сестра, с которой она весело болтала всю дорогу. А когда мы дошли до перекрестка, резко обернулась ко мне и сказала:

— Ну, все!..

— Да, все, — сказал я.

Говоря эти слова, мы и не подозревали, до какой степени они были правдой.

И мы снова расстались. Она с сестрой пошла в кино, для чего, оказывается, они и приехали, а я пошел назад на станцию.

Я ехал, стоя в тамбуре, и смотрел на красную рукоятку стоп-крана на стене. Нет, мне не поезд хотелось остановить, а тот поток, что подхватил меня и уносил и от нее, и от той дороги, по которой мы шли, и от тех слов, что я так и не смог произнести в присутствии ее сестры.

А на следующий день при встречах в школе мы снова не замечали друг друга. Мы продолжали учиться, окончили школу и расстались, как мне казалось, навсегда.

Прошло несколько лет. Однажды жарким летним днем я зашел в книжный антиквариат и купил книгу на английском языке. На обложке была изображена героиня романа, бегущая по зеленому полю с распахнутыми, словно для объятия, руками. Я смотрел на ее счастливое, улыбающееся лицо и уловил знакомые черты. И я купил эту книгу.

Я сел на электричку и, предвкушая интересное чтение, достал книгу из сумки. И тут заметил, что кто-то сел напротив меня. Подняв глаза, я увидел ее — ту, с которой расстался, как мне казалось, навсегда.

Поразительно, что она вошла именно в тот вагон и села напротив меня, хотя в вагоне было много свободных мест.

И мы снова сделали вид, что не видим друг друга.

Я сидел с книгой в руках и смотрел на обложку книги, на радостно бегущую героиню романа. Она, улыбаясь, бежала по полю с раскрытыми, словно для объятия, руками и была так похожа на ту, что сидела напротив.

Только когда она вышла на своей остановке, я раскрыл книгу и начал читать.

Черный кофе

Поздний вечер. Хищник-день утомился от погони за добычей, ослабил хватку и перешел на шаг. За окном неспешно движутся машины и мигает на перекрестке желтый сигнал светофора.

Я набрал номер телефона и чуть подождал, слушая гудки. Ответа не было. Может, выпить черный кофе?

Когда я насыпал в турку молотый кофе, завибрировал телефон.

— Здравствуй! — услышал я голос Риты. — Как дела? Ты, я вижу, уже дома.

— Да, кофе варю.

— Слушай, я хотела отдать тебе наконец книгу, которую ты мне давал почитать.

Сегодня выходить уже не хочется?

— Почему же, можем встретиться.

— Тогда давай у универмага. Часов в семь я как раз буду возвращаться с работы.

— Хорошо.

Я поставил на огонь чайник, открыл кофемолку и, закрыв глаза, вдохнул аромат молотых кофейных зерен.

Опять завибрировал мобильный телефон.

— Послушай, — прозвучал в трубке голос Риты, — а ты не хочешь приехать сегодня ко мне домой? Ты ведь никогда у меня не был. Как раз и отдам тебе книгу. Посмотришь, как твоя акварель у меня на стене смотрится. Приезжай. А то мы все работаем, суетимся. Надо же и отдыхать.

— Конечно, я приеду. Какой у тебя адрес?

Я поставил турку на маленький огонь, подождал, пока не появится пена, и налил горячий кофе в маленькую чашечку. Взял ее в руки, еще раз вдохнул завораживающий аромат. Кофе совсем черный, только по краям кружки собрались пузырьки пены.

Снова ожил мой телефон.

— Послушай, очень удачно, что мы сегодня встретимся, — сказала Рита. — Ко мне придут две подруги, посидим, расслабимся, у меня есть бутылка красного вина. Ты любишь красное вино?

— Обожаю.

— Я им рассказала про тебя, сказала, что будет художник, который нарисовал картину, что висит у меня на стене, и девчонки прямо загорелись! Хотят познакомиться с художником. Им так интересно стало! Приезжай.

Я пригубил кофе и сделал маленький глоток. Стою у окна и смотрю в темноту. Горят огоньки окон в доме напротив, вспыхивают брызги света под шинами проносящихся машин, блестят лужи света на темном асфальте, и все так же мигает желтый сигнал испорченного светофора.

И снова сигнал мобильного телефона.

— Да.

— Хочу сказать тебе одну вещь, — сказала Рита. — У меня сегодня будет одна моя подруга, ее зовут Кристина, я уверена, она тебе понравится. Обрати на нее внимание. Она потрясающая! Давно уже разведена... Очень тебе понравится! Я уверена. Мы будем ждать, приезжай, как только сможешь.

Я посмотрел на часы, отпил кофе, чуть подумал и набрал номер Риты.

— Слушаю, — сказала она.

— Это я. Не успел тебе сказать... А я люблю четкость и ясность.

— Ты о чем?

— Понимаешь, это классно, что мы сегодня встретимся, но хотел тебе сказать, что у меня уже есть любимый человек. Мне бы не хотелось никого вводить в заблуждение...

— Да ты меня не понял. Это же не клуб знакомств. Просто посидим... Я очень рада за тебя! Я и не знала, что у тебя кто-то есть. Правда, очень рада!

Я поставил маленькую чашечку на ладонь, взгляделся в черный напиток и, увидев отражение своего лица, сделал еще один глоток кофе с горьким вкусом ночи.

Прозвучал сигнал телефона.

— Да, — сказал я.

— Ты знаешь, ничего не получается, девчонки не могут прийти. У них какие-то проблемы возникли.

— Как жаль!

— Ну, ничего. В другой раз с ними увидимся. А сегодня я могла бы передать тебе книгу у универмага.

— Конечно. Как и договаривались, в семь.

В чашечке осталось еще немного кофе. Он уже остыл. Еще один глоток, и останется темный осадок на дне чашки.

Последняя страница

Однажды идя по проселочной дороге, вдоль которой тянулась глубокая канава, еще издали я заметил на дне ее что-то светлое. Подойдя ближе, я увидел, что это несколько книг по искусству — истерзанных, втоптаных в траву и влажную землю.

Приглядевшись к книгам, я увидел, что это роскошные издания с чудесной полиграфией. И все они были изорваны и не иначе как в ярости разбросаны у обочины дороги.

Во всех окрестных домах есть мусорные баки. И вывоз мусора производится регулярно. Нет никаких проблем избавиться от ненужных тебе вещей. В том, что я видел, было что-то демонстративное. Кто-то хотел, чтобы это увидели люди. Но зачем ему это было нужно?

Глядя на страницы, которые ветер разметал по дороге, я подумал, что это похоже на финал какой-то истории. Передо мной была последняя страница — скомканная и грязная.

Под звездами

В больнице я лежу у самого окна. Ночь, в палате темно, а за окном черное небо и звезды. Я почти засыпаю, как вдруг раздается крик:

— Гоните их! Гоните!..

С соседней койки вскакивает больной, которого привезли этой ночью, он начинает бегать по палате, включает свет.

— Коты! Кто напустил сюда котов!

Ну вот, этого только не хватало! «Что он делает в нейрохирургии?» — подумал я, но все понял, увидев его перебинтованную голову.

Всю ночь он гонял котов, то и дело вскакивая и включая свет.

А утром я увидел, что он сидит на койке, скрестив ноги, как йог, и рисует что-то в альбоме. Проходя мимо него, я заглянул в альбом и увидел на листе бумаги голову Христа в терновом венце.

В больнице я уже второй день. Мне нравится засыпать, глядя на звезды. Но больной на соседней койке по-прежнему не дает мне спать. Следующей ночью он гонял больших пауков.

Я поднялся и в темноте, опираясь на койки, прошел через палату к выходу. В длинном коридоре, освещенном голубоватым светом, никого нет.

Но вот рядом со мной распахивается дверь, и в коридор выбегает девушка с перевязанной головой. Лицо ее бледное с яркими веснушками, а темные горячие глаза в слезах.

— Я хочу домой! Пустите меня домой! — плачет она, пробегая мимо меня. Медсестры догоняют ее, берут под руки и ведут назад в палату. Одну из сестер я уже знаю, она мне тихо говорит:

— Бедная! Она после автокатастрофы. Погибли отец, мать. Ей пока ничего не говорят.

Из палаты я слышу приглушенный подушкой плач девушки и ее голос:

— Пустите меня домой! Что же вы делаете!..

Выйдя следующей ночью из палаты, я увидел ту девушку с перевязанной головой на диванчике в самом конце коридора.

Когда я подошел к ней ближе, она не взглянула на меня, продолжая теревить на коленях носовой платок, словно искала в нем что-то. Я сел на диван рядом с ней.

— Хочешь? — спросил я, протягивая ей яблоко.

Она вздрогнула, словно я поднес к ее лицу змею, и ударила по моей руке. Яблоко покатилося по коридору. Девушка закрыла лицо платком и, заплакав, затопала ногами.

В своей палате, усаживаясь на койку, я заметил, что «художник» не спит.

— Я понял, кто ты, — прошептал он.

— И кто я?

— Следишь за мной! Ты и здесь меня нашел! Ну, подожди! Вот только засни!

Я полежал некоторое время, глядя в окно, и понял, что рядом с таким соседом мне засыпать не хочется. Я поднялся, взял с тумбочки книгу и вышел в коридор.

Дверь в соседнюю палату, где лежала девушка, была приоткрыта, в ней горел свет. В палате были только две кровати, поставленные голова к голове. Она лежала неподвижно на одной из них, спиной к двери.

Я вошел и сел на свободную койку. Услышав шорох, она обернулась, посмотрела на меня и снова легла, еще сильнее сжавшись в калачик. Я лег поверх одеяла и стал читать. Когда переворачивал страницы, девушка еле слышно вздыхала.

— Что ты читаешь? — спросила вдруг она.

— Да так... — растерялся я, услышав ее голос. — Хочешь, почитаю тебе?

— Нет. Голова болит...

Дверь палаты открылась, и в голубоватом свете коридора показалась медсестра, посмотрела на нас и, покачав головой, тихо прикрыла дверь.

Мы лежали у большого окна, под черным небом с россыпью сверкающих звезд. Казалось, что звездный свод кружится над нами.

— Что у тебя болит? — спросила она.

— Спина. Рекламу ставили... Очень тяжелая была.

— Рекламу! — произнесла она с таким отчаянием, что мне показалось, она снова зарыдает, но она немного помолчала и тихо произнесла:

— Звезда упала! Ты видел?

Дожди

Распахнулось окно, и с нарастающим шумом дождя в комнату ворвался свежий ветер, пахнущий мокрой листвой. Я сел на подоконник и вскрыл конверт с только что полученным письмом. Несколько капель дождя упали на лист.

Дорогой мой человек!

Прости, что так редко пишу тебе. Я порядочная, извини, скотина. Прошла целая неделя, как я тебя не видела. Хотела написать вчера, но очень болела голова. Она болит редко, но эффективно. А все потому, что я страшно устала. Ты вот говоришь,

что мне надо отдыхать, а я не знаю, как это сделать. Работы у меня очень много. Живу полной жизнью. Только одно мучает меня каждый день, когда я начинаю работу, — неуверенность в себе. Ты да я знаем это и будем молчать. Вот увижу тебя, и все пройдет. Ты как врач умеешь лечить душевные болезни. Но умеешь и вызывать их.

Целый день сегодня работала. Ушла из дома в полдень, а вернулась к ночи. Все эти дни дует очень сильный ветер и идут дожди. Этюдник мой стоит, а меня относит ветром. На море временами солнечно и очень одиноко. Сделала четыре акварели и один рисунок. Над акварелями работала долго. Рисовала, смывала прямо в море, и снова рисовала, и снова смывала. Ничего не получалось, пока не стала брать на кисть больше воды. Бумага попалась хорошая, толстая, но надо покупать уже новый рулон, слишком много я ее порчу. Буду теперь писать маслом, но это такая грязная работа, что я пропахну вся краской и разбавителем. У тебя теперь точно будет кружиться от меня голова.

Книгу, которую ты мне дал, я еще не прочитала. Хотела сделать это в поезде, когда возвращалась из Москвы. В купе я положила книгу на столик и засмотрелась в окно. Такая красота за окном! Как раз садилось солнце. То едем среди полей, то становится темно от подступившего к поезду леса, а рука просто лежит на книге. Только хочу ее раскрыть, а поезд уже гремит по мосту над рекой, а внизу в искрящейся воде стоят дети. Сразу пришла в голову идея картины: по воде, в которой отражается небо, бегут дети, я вижу их сверху, и они как бы парят в небе. Как думаешь?

И так вот я сидела, пока за окном не наступила тьма с редкими огоньками на горизонте, я смотрела на свое отражение в окне и думала: а не подстричься ли мне еще раз? Так я к книге и не притронулась. Но зато придумала композицию.

Скоро я пойду спать. И во сне увижу, как ты идешь мне навстречу по воде, по небу. Увижу, как твои руки касаются моих рук, как ты обнимаешь меня. Во снах можно увидеть все. Как хорошо, что существует этот второй мир, в котором главную роль играет воображение и который никому не подвластен. Будь на то моя воля, никому бы не подчинялась, кроме тебя, если бы ты захотел. Но я сомневаюсь в этом.

Теперь только во сне и могу смотреть на твои волосы и ерошить их, трогать твой горячий лоб своими руками, любоваться твоими глазами, в которых отражается все: и леса, и поля, и море, и твоё настроение, и я.

Буду ждать нашей встречи всем своим существом. Ведь это прекрасно — ждать! Я жду!